

Когда Сюй Нуо снова увидел Вэнь Цайэр, в его душе уже не осталось и следа от прежнего волнения.

Она восседала на возвышении, выпрямив спину, и её парчовое золотое одеяние слепило глаза роскошью. Величие, исходившее от этой женщины, напоминало слепящие лучи восходящего солнца, перед которыми смертные невольно опускали взоры. Перед ним сидела императрица — вторая после государя, но владычица над миллионами душ.

Вэнь Цайэр произнесла строго и размеренно:

— Матушка Цинь, ты служишь во дворце много лет и прекрасно знаешь: дворцовые правила незыблемы. Я не раз наказывала не потакать безумствам Девятого принца и не выпускать его из покоев. А в этот раз его и вовсе заманили в притон порока! Если бы я не вмешалась, вы бы и дальше скрывали это. Пожалуй, пришло время приструнить девок в задних покоях.

Каждое её слово падало со звоном, точно брошенная на мрамор монета.

Стоящая на коленях пожилая служанка торопливо застучала лбом о пол:

— Благодарю за милость, Ваше Величество... — без конца твердила она. — Старая рабыня самолично займётся ею и проучит как следует.

Заметив вошедшего Сюй Нуо, Вэнь Цайэр жестом велела слугам удалиться, так и не высказав упрёка за то, что юноша не совершил перед ней земного поклона.

Она медленно опустила на столик чарку чая и посмотрела на гостя. Её голос заметно смягчился:

— Господин Сюй, как вам живётся во дворце? Уже попривыкли?

Сюй Нуо кивнул:

— Вполне.

Вслед за этим повисло долгое, тягучее молчание.

Ни один из них не проронил ни слова. Их взгляды безмолвно скрестились. На мгновение Сюй Нуо почуял витающий в воздухе едва уловимый запах свежей крови и едва заметно нахмурился.

Вэнь Цайэр пристально всматривалась в его лицо, ловя малейшее движение ресниц. Её не

покидало гнетущее чувство узнавания — этот юноша, этот мимолётный жест казались ей смутно знакомыми, словно они дремали в её памяти долгие годы. Она почувствовала резкую, спазматическую боль в груди. Она уже собиралась заговорить, как вдруг надрывный, удушливый кашель разорвал тишину.

Сюй Нуо порывисто шагнул вперёд, намереваясь похлопать её по спине, но его рука замерла на полпути. Поколебавшись, он спрятал её обратно в широкий рукав халата и тихо спросил:

— Осталось ли у тебя какое-нибудь последнее желание?

За её спиной он отчётливо видел призрачный силуэт покойника, который с каждой секундой обретал всё более резкие очертания. Если предчувствие его не обманывало, это означало лишь одно — её земной срок подходил к концу.

Вэнь Цайэр на мгновение опешила, сразу уловив скрытый смысл его вопроса. Превозмогая слабость, она вымучила бледную улыбку:

— Если меня не станет... прошу, присмотри за моим Цзюмо.

«За Лин Цзюмо?» — Сюй Нуо едва заметно покачал головой. Сам он находился в столь шатком положении, что вряд ли мог позаботиться о ком-то ещё. К тому же, примет ли этот гордец чужую заботу? Он — императорский сын, у него есть всё, чего душа пожелает.

— Просту тебя, во что бы то ни стало, позаботься о Цзюмо... — повторила Вэнь Цайэр, отворачиваясь.

«Какая гордыня... Точь-в-точь как у моей матери. Даже когда умоляет о помощи, на лице написана снисходительная милость».

Немного подумав, Сюй Нуо ответил:

— Скоро я покину этот дворец.

И тогда до его слуха долетел тихий, едва различимый шёпот. Если Сюй Нуо не ослышался, Вэнь Цайэр произнесла:

— Забери его с собой... Увези как можно дальше отсюда. И никогда не возвращайтесь.

«Даже если я соглашусь, с чего ты взяла, что он захочет уйти? Во дворце живут на редкость странные люди, и поступки их лишены всякой логики».

Сюй Нуо неторопливо направился к выходу. Стоявшие у дверей стражники покосились на него со смесью страха и недоумения и тут же вытянулись по струнке.

Оставшись одна в полупустом зале, Вэнь Цайэр долго стояла спиной к дверям. Из глубины её груди то и дело вырывался надсадный кашель, но она не обращала на него внимания. Её взгляд застыл на четырёх позолоченных иероглифах, украшавших стену тронного зала: «Мать Поднебесной». Она смотрела на них, погружённая в глубокие раздумья.

Баснословное богатство, власть, способная одним мановением руки затмить солнце, и верность мужчины, который среди тысяч красавиц выбрал её одну... Всё это, как оказалось, было лишь зыбким маревом, мимолётным дымом.

«Кузина, если бы ты знала, как я раскаиваюсь... Завтра начнётся Банкет Поиска Ароматов. Увижу ли я Мэнхэ? Кем он стал теперь?»

За дворцовой стеной простиралось бескрайнее снежное покрывало, но внутри царила весна: выбеленные стены, изумрудные заросли бамбука, тёплый свет резных фонарей. В кристально чистом пруду лениво плескались пёстрые карпы, а перед каждым гостем на столе красовались пышные, благоухающие пионы. Вся обстановка дышала утончённым великолепием.

Служанки с высокими затейливыми причёсками бесшумно сновали между столами, разнося изысканные яства и кувшины с ароматным вином. Скрытые за шёлковыми ширмами придворные музыканты выводили нежную мелодию «Приветствие весны». В зале не утихали праздный гомон и весёлый смех.

— О, господин Чжао! Прошу вас, проходите... Ах, только после вас! — засуетился какой-то чиновник, подобострастно кланяясь гостю.

Чжао Бучжи стремительно вошёл в зал. Присутствующие тут же поспешили освободить для него лучшее место в изголовье стола:

— Сюда, великий наставник Чжао! Милости просим на почётное место!

Опустившись на сиденье, Чжао Бучжи окинул взглядом собрание. Едва ли не две трети гостей тотчас устремили на него пламенные взоры. Он сидел безупречно прямо, и холодная красота его лица лишь сильнее разжигала девичье любопытство. Коснувшись указательным пальцем виска, Чжао Бучжи с безразличным видом пригубил чай, не желая тратить время на кокетство юных прелестниц.

Едва он осушил пиалу наполовину, как в зал торжественно вошли император Лин Сичу и императрица Вэнь Цайэр. Присутствующие разом пали ниц, и под сводами прогремел

слаженный хор голосов:

— Да здравствует наш великий государь! Десять тысяч лет ему жизни! Слава государыне императрице! Тысячу лет ей здоровья!

Устроившись на возвышении, Лин Сичу добродушно рассмеялся:

— Сегодняшний Банкет Поиска Ароматов устроен лишь ради того, чтобы мои верные слуги могли отдохнуть от государственных забот. Оставьте чинные церемонии, сегодня они ни к чему.

Гости заметно повеселели, на лицах расплылись довольные улыбки. Лишь Чжао Бучжи оставался бесстрастен — его взор, холодный и глубокий, точно стоялая вода лесного озера, не выражал ни капли радости.

Лин Сичу разменял пятый десяток, но сохранил завидную статью: статный, плечистый, с мужественным лицом. Рядом с ним восседала женщина, чья былая прелесть увяла, но мягкая, приветливая улыбка всё ещё делала её облик величественным и притягательным. Какая горькая насмешка судьбы! Его собственная мать, кроткая, добродетельная и искусная рукодельница, пала жертвой гнусных козней, претерпела страшные унижения и ушла в могилу, полная неутолимой обиды.

Поразительная несправедливость. Добродетель в этом мире редко вознаграждается по заслугам. Злодеи же будут безнаказанно пировать до тех пор, пока ты сам не перережешь им глотку. Эту суровую истину он усвоил ещё пятилетним ребёнком.

Объявление императора о начале пира прервало его безрадостные размышления. На середину зала чередой выплыли танцовщицы в пёстрых шелках. Песни и пляски были привычной дворцовой забавой, давно набившей всем оскомину, однако из уважения к повелителю гости наперебой расточали фальшивые похвалы: «Ах, как великолепно!», «Простому смертному и за всю жизнь не сподобиться увидеть подобного чуда!»...

[illegible]

Чжао Бучжи лишь молча посмеивался над этим балаганом. По его мнению, лицемерие и бесстыдство пирующих вельмож далеко превосходили любое актёрское мастерство лицедеёв на сцене.

Наконец, когда запас вежливой лести у гостей иссяк, музыка резко оборвалась. Девушки поклонились и бесшумно покинули подмостки.

На смену им торопливыми, парящими шагами вышла статная фигура. Лицо незнакомки скрывали длинные летящие рукава. На ней было алое платье, по подолу которого серебряными

нитями вились узоры священных облаков. При каждом движении бахромы едва заметно колыхалась. К её босым щиколоткам красным шёлком были привязаны нити с крошечными золотыми бубенцами. Вырез тонкой сорочки на груди слегка разошёлся, приоткрывая изящную белую шею навстречу прохладе дворцового зала.

Плавной, скользящей походкой танцовщица приблизилась к середине сцены. Она плавно изогнулась, заставляя струящуюся ткань платья раскрыться подобно экзотическому цветку. В её жестах сквозила пленительная грация клонящейся под ветром ивы. В этом облике сочетались соблазн и скромность, яркая пышность и строгое изящество. Красота её была столь совершенной и загадочной, что даже не видя её лица, пирующие не могли оторвать замороженных взоров.

— Его Высочество Девятый принц! — раздался зычный голос евнуха.

Присутствующие мигом очнулись от наваждения. Девятый принц?

Зачем он здесь? Десятки взглядов разом устремились на Чжао Бучжи. Все знали о непростых отношениях великого наставника и принца. Дело принимало крайне скверный и двусмысленный оборот.

Лин Сичу лукаво усмехнулся. Вэнь Цайэр тихо вздохнула, прижав ладонь к груди:

— Мой мальчик... Наконец-то он возмужал и взялся за ум.

Чжао Бучжи тоже немало удивился внезапному появлению принца, но вида не подал — он по-прежнему не поднимал глаз, неторопливо наполняя свою чарку.

В зале воцарилась гробовая тишина. Сквозь неё Чжао Бучжи отчётливо расслышал изумлённый возглас императора Лин Сичу:

— И это дитя — та самая невеста, которую ты выбрал себе в жёны?

— Да, — без малейшего колебания отозвался Лин Цзюмо.

Собрание взорвалось удивлённым ропотом.

Чжао Бучжи язвительно ухмыльнулся.

«Надо же, Лин Цзюмо, при всём твоём недюжинном уме, и ты попался на удочку плотского соблазна. С другой стороны, если не брать в расчёт сомнительное происхождение Лю Даньцая, его красота и дарования воистину не знают равных под небесами. Коль скоро вы сошлись сердцами, этот союз вполне может сложиться. А если найдутся те, кто станет чинить вам

препятствия... Что ж, возможно, я даже протяну тебе руку помощи».

При этой мысли он беззвучно хмыкнул.

— Дитя моё, как твоё имя? — вновь заговорил император.

Голос его звучал столь мягко и доброжелательно, что придворные растерялись. Никто и помыслить не мог, что суровый, грозный владыка государства Чжуцуэ способен разговаривать с кем-то в столь ласковом тоне.

«Стало быть, этот Лю Даньцай и впрямь умеет очаровывать людей, — подумал Чжао Бучжи. — Зря Суйфэн приносил дурные вести».

Однако секунду спустя его улыбка мгновенно улетучилась. До его слуха долетел тихий, безучастный и до боли знакомый голос.

— Сюй Нуо.

Чжао Бучжи вздрогнул. Кубок дрогнул в его пальцах, и вино пролилось прямо на воротник роскошного халата. Служанка испуганно бросилась к нему с шёлковым платком, но он грубым жестом оттолкнул её прочь.

Вскинув взгляд, он оцепенел. Он почувствовал яростный, болезненный толчок в груди.

Это действительно был он. Сюй Нуо.

Он стоял всё так же прямо, облачённый в простые белые одежды, отстранённый от мирской суеты и чистый, словно горный снег. Значит, безумные сны претворились в явь? Эти двое сошлись в земном мире... А он, Чжао Бучжи, остался не у дел, превратившись в ничтожного, лишнего свидетеля их счастья. Стерпеть подобное унижение было выше его сил.

Он сжал кулаки, скрытые в глубине просторных рукавов с такой силой, что ногти впились в ладони.

«Сюй Нуо... За что ты так со мной?»

— Превосходно, просто превосходно! — довольно рассмеялся Лин Сичу. — Бучжи, ступай сюда, садись рядом с нами.

Стоявшая поодаль молоденькая служанка робко потянула Чжао Бучжи за край одежды, шепча:

— Великий наставник Чжао... Великий наставник Чжао, Его Величество зовёт вас.

Чжао Бучжи медленно поднялся с места. Каждый шаг давался ему с огромным трудом, словно он ступал по осколкам собственного сердца. Как всё пришло к этому? Когда они успели сблизиться? Почему держатся так неразлучно? Неужели Сюй Нуо действительно согласился связать себя узами брака с Девятым принцем? С его-то кротким нравом — и в это змеиное логово, полное интриг и коварства?

Тысячи безответных вопросов вихрем закружились в его голове, лишая способности здраво мыслить.

Всё пошло прахом. Окончательно и бесповоротно.

<http://bllate.org/book/20483/2152193>